

Ф. И. ШАЛЯПИН:

Максим ИВАНОВ

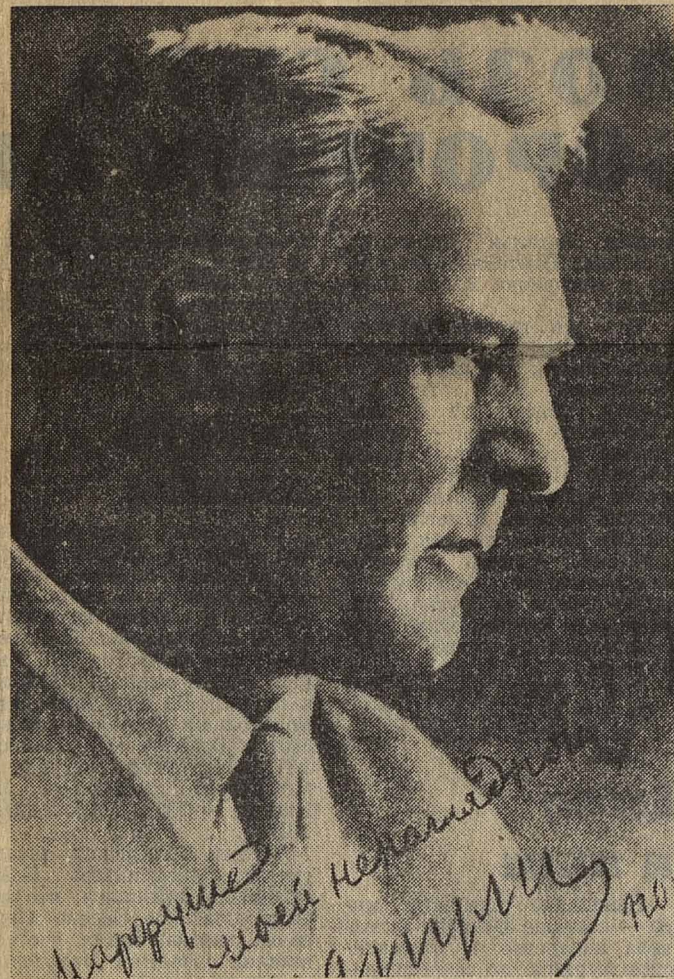
«МОЯ СОВЕСТЬ ЧИСТА»

повествование в документах

В нынешнем году страна отметила две шаляпинские даты: февраль — исполнилось 115 лет со дня рождения, апрель — 50 лет со дня смерти певца. На днях, 23 сентября, в Москве открывается музей Ф. И. Шаляпина на бывшем Новинском бульваре (ныне улица Чайковского, 25). Да, с одной стороны, имя Федора Шаляпина не нуждается в доказательствах величия — оно известно каждому культурному человеку планеты. С другой... С другой — частый упрек: уехал же, бросил, не захотел жить в новой, большевистской России... А как на самом деле?

Сейчас, в атмосфере гласности, многие моменты нашей истории предстают не в привычной плоской однозначности, а объемно, выпукло, противоречиво. Вот и сегодня мы хотим рассказать о драматичном для певца 1927 году — в этом году он был лишен звания народного артиста республики — языком документов.

Большинство их публикуется в нашей стране впервые. (Полностью «Повествование в документах...» готовится к публикации в издательстве «Московский рабочий»).

«ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1927, № 744, 16 июня, с. 2.

Н. Ч. (Н. Чебышев?) «Шаляпин в Новой Зеландии».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О ШАЛЯПИНЕ

Президиум Цекрабиса постановил: принимая во внимание сообщенные в бело-эмигрантской печати данные, не опровергнутые Шаляпиным, поставить через НКПрос в Совнарком вопрос о лишении Шаляпина звания Народного Артиста Республики.

«РАВИС» (Москва), 1927, № 23 (65), 21 июня, с. 10.

По поводу появившихся в печати сведений о том, что, по ходатайству Всерабиса Ф. И. Шаляпин будет лишен советского гражданства и звания народного артиста, великий артист говорит:

«Я никаких официальных сообщений по этому поводу не имею, но мне об этом стало известно из советских газет, а также из эмигрантской и иностранной печати.

Весь сыр-бор разгорелся из-за того, что я позволил себе через протоиерея из собственных своих денег сделать пожертвование в пользу бедных русских детишек (...) Кто может мне запретить распоряжаться заработанными мною деньгами? Когда я жертвовал, мне было в высшей степени безразлично, кто эти голодные, которым я протянул руку. Красные они или белые? Монархисты или коммунисты?! Но трагедия в том, что русские люди, более или менее интеллигентные, любят заниматься политикой, и эта политика порождает между собой ненависть и зависть. Политика становится целью их жизни. Я же (...) к сожалению, в этом направлении (...) награжден ограниченным умом и то, что наполняет удовольствием людей занимающихся политикой, мне совершенно чуждо. Я люблю полевой цветок, птицу, яблоню, речку, лес, музыку, хорошую картину и сам стараюсь как можно лучше петь. Если моей несчастью родине суждено вести политическую борьбу за существование свое, то там, в самой России, есть люди, которые призваны для этого. Я же для этого не гожеус. Между тем мне во что бы то ни стало хотят навязать, чтобы я занимался этой политикой. И вам уже говорил в Берлине, что я прошу всех моих соотечественников — монархистов, социалистов, коммунистов и анархистов, раз навсегда оставить меня в покое и дать мне возможность заниматься тем делом, к которому я действительно приобщен.

Я пожертвовал деньги в пользу беженских детей. Ведь если это преступление — то преступником я был и тогда, когда при императорском режиме, пел в пользу социалистов-революционеров, и при большевиках в Бутырской тюрьме в пользу заключенных там контр-революционеров.

Суть, видимо, не в пожертвовании, какое я сделал, а в той политике, о которой я уже говорил. Политика эта порождает ненависть и зависть, а что такое за ужасное чувство — зависть — это мне хорошо известно: ведь я переплощался, играя в «Сальери» Пушкина. Мне казалось, что за 37 лет моей работы на сцене мои духовные друзья-актеры научатся меня ценить и не откажутся признать, что я все-таки что-то сделал для искусства. Между тем как, судя по всему, многим из них мое присутствие на свете не дает спокойно спать. Мне трудно судить заочно, насколько верны появившиеся в советской печати сведения, и в особенности различного рода заявления коллег-артистов. Надо помнить, что условия жизни там очень тяжелые. Вот почему я никого не критикую, никого не обвиняю, но оправдываться ни перед кем также не намерен.

— Скажите, Федор Иванович, что Вы намерены предпринять, если Вас лишат звания народного артиста?

— (...) Что же я после этого — перестану быть Шаляпиным или стану антинародным артистом? — я, который вышел из гущи народной, всегда пел для народа. В особенности же теперь, после того как я уже 37 лет на сцене и исколесил земной шар, я хочу на себя взять смелость и проявить, быть может, нескромность, сказав, что я не просто народный, а всенародный артист.

Впрочем, если я совершил преступление, помогая бедным русским детям, и этим,

это не только скандал, но и прямое преступление.

— Шутка ли: «народный» певец, получивший это звание еще при Ленине, открыто идет на помощь белогвардейцам, и эмигрантские протоиереи выражают ему благодарность!

(...) «Вечерняя Москва» уже пишет:

«— Выводы из этого политического выступления будут сделаны, и опозоренное Шаляпиным звание «Народного артиста» будет с него сорвано».

А дальше «Вечерняя Москва» уже развенчивает Шаляпина и как артиста:

«— И голоса, мол, давно уже нет, и ничего нового за все «советские» годы не создал, и «исхалтурился», души своей погубитель, окончательно».

Подленькая московская газета призывает даже всех подневольных московских артистов к враждебной демонстрации по адресу Шаляпина и многозначительно заканчивает:

— «Мы ждем!»

«(...) Теперь наши ряды пополнились еще одним эмигрантом.

— Следует ли этому радоваться или печалиться?

— Я не знаю...

Лично я порадовался бы только в том случае, если бы на «измену» Шаляпина можно было смотреть как на его предчувствие скорого конца большевизма».

«ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1927, № 733, 5 июня, с. 2.

Александр Яблоновский. «Шаляпин-эмигрант».

«Знаменитому певцу с мировым именем, видимо, осточертело жить в советских «малычиках» и плясать под (...) дудку коммунистов.

Осточертело исповедываться в своих чувствах.

Осточертело притворяться «лояльным»...

Осточертело закрывать глаза на гнусные преступления и на позор своего отечества».

«ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1927, № 744, 16 июня, с. 2.

Александр Яблоновский «Еще о Шаляпине».

В белградском «Новом времени» (от 8 июня) напечатана корреспонденция из Новой Зеландии. Между прочим, рассказывается о проезде в 1926 году Ф. И. Шаляпина и про его отзыв о большевиках. Приводим целиком это характерное место:

«(...) Знаю, что о большевиках мало, кто хорошо отзывался. Кратко сказать — половина мерзавцы. По части втирания очков, я думаю, нет в мире лучших прохвостов, чем они. Скажу про себя. Я работал у них пять лет и за эти годы так измотался, так устал, как никогда не уставал. Почти ежедневные репетиции и спектакли, а наряду с этим, еще стояния в разных хвостах для получения сахара, муки и других продуктов. Я просил у них отдельную квартиру и отпуск для отдыха, но ни того, ни другого не получил. (...) Как долго большевики пробудут у власти, — чорт их знает, — но я уже сказал, что они втирают очки за границей (...), а русскому народу — своими посулами... А фактически, все держится беспощадным штыком...»

ГОД 1927-й для Федора Ивановича начинался как обычно — с поездок по миру, с работы, с гастролей...

15 марта. Для компании граммофонных пластинок «Виктор» Шаляпин записывает «Благословляю вас, леса» Чайковского, «Песню о блохе» Мусоргского...

16 марта. (...) Записывает песню Варлаама («Борис Годунов») (...) Песню Галицкого («Князь Игорь»).

18 марта. Записывает арию Дона Базилио («Севильский цирюльник»).

22 марта. «Фауст» в «Метрополитен-опера», Нью-Йорк...

Около 20 апреля. Приезжает в Париж (ЦГАЛИ, ф. 912, оп. 3, № 4).

«ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ШАЛЯПИНА»: в 2-х кн. Кн. 2 (сост. Ю. Котляров, В. Гармаш. — Л.: Музыка, 1985, с. 208—209).

«Милостивый Государь, Господин Редактор.

Позвольте при посредстве Вашей уважаемой газеты выразить благодарность Федору Ивановичу Шаляпину, передавшему мне 5.000 (пять тысяч) франков на русских безработных. Три тысячи (3.000) переданы мною в распоряжение Владыки Митрополита Евлогия, тысяча (1.000) — в распоряжение бывшего морского агента капитана I ранга В. И. Дмитриева и тысяча (1.000) франков розданы мною непосредственно известным мне безработным.

Глубоко уважающий Вас Прот. Георгий Спасский». «ВОЗРОЖДЕНИЕ», (1927, № 714, 17 мая, с. 4).

«(...) Я отлично понимаю, как трудно быть Народным Артистом Республики.

Сидит, скажем, «народный» за границей годы и годы, свьис с этой «заграницей», оброс ею и вот в один прекрасный день оглянулся и видит — нуждаются русские люди, голодают... И какие люди! — Орлы! (...) князья, графы, бароны, тайные и всяческие советники, митрополиты, протоиереи, флигель-адъютанты, генералы свиты его величества... Кого только нет... Миллионами ворочали, страной управляли, а теперь нуждаются, безработные... Ну как не защемить сердцу, не Народного артиста Республики, нет, а заслуженного артиста императорских театров, солиста его величества?!

Ну и посылает солист его величества тысячу этак пять франков для раздачи этим безработным... Почему мы молчим?! Почему не положить предел издевательству и наглости над всем СССР этого «СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАРОДНОГО АРТИСТА РЕСПУБЛИКИ»?

От редакции: По нашим сведениям, вопрос о Ф. И. Шаляпине будет поставлен в ближайшем заседании Президиума ЦК Рабиса.

«ВСЕРАВИС» (Москва), 1927, № 20 (62), 31 мая, с. 8.

Симон С. «Свиты его величества Народный артист Республики».

Г-н Шаляпин пожертвовал в пользу безработных эмигрантов 5 тысяч франков.

И не тайно а явно.

Все кончено!

Ведь, с точки зрения ГПУ,

[Окончание на 4-й стр.]

быть может, нарушил советский закон, пусть рабоче-крестьянское правительство — правительство беднейших рабочих и крестьян лишит меня этого звания. Я же и впредь, видя голодных детей, будучи отцом семейства и собственным трудом зарабатывая на жизнь, всегда, по мере возможности, накормлю и напою. Жаль только, что на всех не хватит слез, как сказано в персидской пословице...

— Не собираетесь ли Вы в Россию?

— Я прежде всего русский. Связи с Россией я никогда не порву. Но поехать сейчас, после всей этой гнусной кампании которую против меня ведут, не намерен.

В заключение знаменитый артист говорит: «Моя совесть чиста перед Господом Богом, в которого я верую, перед родиной моей, которую я безумно люблю, и перед народом моим, за который я страдаю. Пусть мои слепые недоброжелатели поступят так, как им заблагорассудится, а же и впредь и молебны буду служить, как я это сделал, и русским людям буду помогать, по мере сил и возможностей».

«ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1927, № 751, 23 июня, с. 4.

С. И. Левин «У Ф. И. Шалыпина».

«(...) Эти 5.000 франков произвели в Москве впечатление разорвавшейся бомбы (...) После «Всерабиса» начали лягаться все остальные. Демьян Бедный тиснул в «Правде» угрожающие стишки, бывший солист Его Императорского Величества Собинов возмущенно заявил советским журналистам, что Шалыпин — предатель продолжения отечества, должен быть лишен прав гражданства и зачислен в списки эмигрантов и белогвардейцев. (К слову сказать, этот самый Собинов в свое время усиленно выступал на юге России в концертах в пользу Добровольческой Армии).

Словом, посыпались резолюции, протесты, митинги. Мы, младший технический персонал театра имени т. Урицкого, с негодованием протестуем...

Оставалось только узнать, что обо всем этом думает сам инновник торжества (...) Шалыпин прохаживается из угла в угол, то, что пишут о нем в советских газетах, видимо, сильно волнует и раздражает его.

— Я в совершеннейшем недоумении. Виноватен ли перед кем я себя не чувствую, и кампания, поднятая против меня «Всерабисом», глубоко удивляет (...) Мне кажется, они там голову потеряли. С каких это пор запрещено помогать голодным детям? Хотите знать, в чем состоит мое преступление?

(...) Переехав в Париж, на новую квартиру, я пригласил священника отслужить по русскому обычаю молебен. В церкви я давно не был (...) А идучи приглашать священника, в церковной ограде я видел множество бедных людей, никаких не капиталистов, а форменных пролетариев. И особенно тяжело было видеть малых детисек, голодных и оборванных. Я и педал священнику 5.000 главным образом на усиление детского питания. Жертвую я не первый раз и никогда мне

в голову не приходило сослаться у голодного человека, к какой партии он принадлежит? Для меня достаточно того, что он — несчастный, а белый он или красный — это совершенно одно и то же.

(...) — Вы поедете в Россию?

— Нет, дорогой мой, не поеду. Что мне там делать? (...) Там надо заниматься политикой, а политика мне надоела. Я певец, артист (...) Удивительная вещь, здесь в Европе ни немцы, ни французы, ни англичане — никто не требовал от меня, чтобы я против китайцев протестовал. А в России беспрерывно надо протестовать. Нет, стар я (...)

«СЕГОДНЯ», Рига, 1927, № 138, 26 июня, с. 4.

А. Седых «У Шалыпина» (от парижского корреспондента).

«Широкая натура» есть категории по преимуществу и главным образом русская и купеческая (...) Федор Шалыпин был едва ли не самым блестящим хранителем купеческих обычаев. Скучно в сотый раз рассказывать все намозолившие уши истории знаменитого баса (...)

В советские годы Шалыпин не смог стать тем, чем ему полагалось: просто большим артистом, для которого открыты были все художественные и театральные возможности. Ему, десятипудовой хрипящей птичке, показалось тошно на русской равнине.

Но то, чтобы голодно птичке жилось. Клевала она порядочно. Мы были свидетелями, как целые военные дивизии, большие заводы отрывали от жалких своих пайков возы и грузовики с мукой, крупной, мануфактурой и платили ими птичке за радость послушать ее.

Неужели же станет Шалыпин жертвовать на белых молодых людей в тот самый момент, когда белый молодой человек выпустил свои пули в грудь советского посла?.. Но вот есть разъяснение. Откликнулся (...) Бас недоволен, он угрюмо басит, он жалуется (...)

Их оперное величество изволят сердиться. Они мечут громы и молнии, видимо, не театральные, а самые настоящие (...) Шалыпину не до России. Его широкой натуре начхать на Всерабис. Вот немного погоды, когда деньги и голос растают, вместе с ними убавится и спесь. Тогда, надо полагать, в тот же Всерабис поступит всеподданнейшее от Федора Ивановича прошение о персональной пенсии...

«ПРАВДА», 1927, 2 июля. Михаил Кольцов «Широкая натура»

ЛИШЕНИЕ Ф. И. ШАЛЯПИНА ЗВАНИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА РЕСПУБЛИКИ.

Совнарком РСФСР в заседании 24-го августа постановил лишить Ф. И. Шалыпина звания Народного Артиста Республики.

«РАБИС», 1927, № 33 (75), 30 августа, с. 9.

Владимирский губисполком возбудил перед ВЦИК'ом ходатайство о лишении Ф. И. Шалыпина прав на его бывшую усадьбу в Рязанцевской волости Переяславского уезда. Усадьба эта (...) была оставлена за Ф. И. Шалыпиным, как за народным артистом республики.

Наркомзем поддерживает ходатайство губисполкома.

«РАБИС», 1927, № 45 (83), 25 октября, с. 12.

Я не большевик, не социал-

реакционер (...) Я просто певец Федор Шалыпин, у которого десять детей, который содержит 26 человек и 21 регулярно помогает деньгами. Я бы хотел, чтобы все люди на свете были счастливы, и глубоко сочувствую детям, вынужденным страдать из-за голода (...)

«ЧЕСКОЕ СЛОВО» (Прага), 1927, 30 октября.

«(...) Меня называли «народным артистом», но когда я оказал материальную помощь голодающим русским детям, то навлек на себя гнев (...) Я никогда не концентрировал в пользу политических организаций эмигрантов, и если когда помог одному-другому бедняку, так это мое человеческое право и даже долг, и никто не может запретить мне поступать так. Я возмущен не тем, что меня лишили звания — для этого я не слишком тщеславен, а тем, что мой добрый поступок преподнесли как государственное преступление. Это оскорбление не только для меня, а для всех русских (...)»

«ЧЕСКОЕ ЕВИШТЕ» (Прага), 1927, № 8, 4 ноября, с. 4.

ЛИШЕНИЕ Ф. И. ШАЛЯПИНА ПРАВ НА УСАДЬБУ

Президиум ВЦИК постановил лишить Ф. И. Шалыпина права пользования усадьбой и домом во Владимирской губернии.

«РАБИС», 1927, 22 ноября, с. 9.

8 декабря. «Борис Годунов» в Гран Театро дель Лисео (...)

13 декабря. «Псковитянка» (...)

17 декабря. «Псковитянка» (...)

1928 год.

8 января. Пишет дочери Ирине (...): «Может быть, это глупо, но я думаю, что кое-какие материальные сбережения мои смогут однажды устранить вас от унижений и оскорблений, которых я так много видел в начале моей жизни, да вижу еще и теперь не так давно, и которые, вероятно, никогда и не при каких, ни новых, ни старых, условиях жизни не искоренятся (...) Хороший будет для меня день, когда я оставлю (...) театральное невежество, в борьбе с которым я разбил (...) грудь».

«ЛЕТОПИСЬ...», с. 213.

«Наши гастроль в Лондоне (...) завершились оперой Мусоргского «Борис Годунов». Назавтра Шалыпин собрал всех в театре и сказал:

— Друзья мои Мы, русские, одержали славную победу. Мы с гордостью можем сказать, что высоко и с честью держим знамя русского искусства. За это умение, за старания, за любовь к родному искусству и большую работу наш народ-богатырь, быть может, помянет нас добрым словом и простит наши вольные и невольные ошибки».

«ПРОМЕТЕЙ» № 14, М.: «Молодая гвардия», 1987, с. 210. Г. Коршунов «Шалыпин за рубежом»

От автора: Настоящую публикацию, а также материал «Не вернулся Шалыпин», в котором рассказывается история невозвращения Ф. И. Шалыпина на Родину (ж-л «Молодой коммунист», 1988, № 1) прошу считать официальным обращением в Президиум Верховного Совета СССР о восстановлении Ф. И. Шалыпина в звании народного артиста СССР.